

Как только Вэнь Тяньжуй закончил говорить, Гао Тин словно получила удар, и мороженое выпало из её рук, с грохотом упав на землю.

— Вау! Ты просто... слишком... — Гао Тин даже не обратила внимания на упавшее мороженое, широко раскрыв рот и не находя слов.

— Слишком умный! — подхватила Янь Юхэн, похвалив его.

...

Янь Юхэн и Гао Тин попрощались с Вэнь Тяньжуйем на перекрёстке, напомнив ему, что и в классе для одарённых детей нужно учиться усердно и не забывать звонить.

— Эх, Тяньжуй ушёл, теперь не с кем будет играть в футбол, — уныло сказала Гао Тин.

Янь Юхэн тоже вздохнула и пошла за Гао Тин обратно в Большой двор.

Ещё не зайдя внутрь, Янь Юхэн заметила чёрный спортивный автомобиль, припаркованный у ворот.

В это время в Хуаго спортивные автомобили были редкостью. Хотя Имперская столица была самым процветающим городом страны, здесь ещё не было такого открытого общества, каким оно стало в будущем, известном Янь Юхэн.

Особенно старшее поколение предпочитало традиционные ценности.

Особенно в Военно-административном комплексе, где жила Янь Юхэн, всегда ценились строгость и серьёзность. Спортивные автомобили считались машинами для избалованных богачей, поэтому большинство жителей комплекса предпочитали отечественные автомобили.

Отечественные машины были надёжными, но выглядели громоздко. Такой изящный и стильный автомобиль сразу привлёк внимание Гао Тин.

— Вау, чья это машина? Какая красивая! — Гао Тин обошла автомобиль вокруг, восхищаясь им.

Янь Юхэн же стояла в оцепенении, не зная, что делать.

Она узнала эту машину — это была машина её матери, Силины.

Янь Юхэн сразу вспомнила, что утром перед экзаменом бабушка говорила ей об этом.

Она замерла на месте, и пот начал струиться по её спине.

Эта женщина наконец приехала.

Гао Тин хотела ещё раз осмотреть машину, но Янь Юхэн схватила её и затащила во двор.

— Эй, что случилось? — Гао Тин, сопротивляясь, позволила Янь Юхэн втянуть себя внутрь.

Янь Юхэн, бледная, почти бегом направилась к дому семьи Янь.

— Иди домой, — сказала она Гао Тин, даже не взглянув на неё, и вошла в дом.

Гао Тин, озадаченная, осталась стоять на месте, невольно прищурившись.

Что могло так напугать Ахэн?

Она даже не успела попрощаться, а сразу вошла в дом. Чья это была машина?

Как только Янь Юхэн вошла, её встретил резкий аромат. В отличие от обычного лёгкого запаха сандала или еды, этот запах она узнала сразу.

Это был аромат её матери, Силины, женщины, которая, как вампир, очаровывала мужчин, заставляя их терять голову.

Силина обожала этот аромат, но Янь Юхэн ненавидела его.

Каждый раз, когда она чувствовала его, ей казалось, что она снова возвращается в те дни, когда её эксплуатировали.

Только войдя в гостиную, Янь Юхэн увидела Се Цицю, выходящую из кухни с тарелкой фруктов.

— Ахэн, твоя мама приехала, — с улыбкой сказала она, но уголки её губ изогнулись в насмешке.

Маленькая девочка всегда выглядела слишком умной, что вызывало раздражение.

Янь Юхэн не стала обращать на неё внимания и хотела подняться наверх, но Се Цицю схватила её за одежду.

— Эй, не ходи наверх, дядя Янь и твоя мама разговаривают, — Се Цицю удерживала Янь Юхэн, сама поднявшись на лестницу и смотря на неё сверху вниз. — Говорят, твоя мама приехала, чтобы забрать тебя!

Янь Юхэн молчала, бесстрастно глядя на неё.

— Ха-ха-ха, ты не хочешь уходить? — Се Цицю, которая давно не была так счастлива после ссоры с Янь Юхэн, не могла сдержать радости. Теперь, когда Янь Юхэн снова собирались забрать, она была в восторге.

Теперь она снова станет единственным ребёнком в семье Янь.

Даже если она не родная, пока она будет в доме Янь, никто не посмеет смотреть на неё свысока!

Се Цицю, будучи ребёнком, не могла удержаться и, подойдя к Янь Юхэн, прошептала:

— Надеюсь, ты уедешь скорее! Уродка!

Янь Юхэн изначально не хотела обращать на неё внимания, но эти слова разозлили её.

— Ваааа! — Янь Юхэн, не обращая внимания на то, закончили ли родители наверху разговор, начала громко плакать.

Се Цицю испугалась и инстинктивно попыталась закрыть ей рот.

Но прежде чем она успела это сделать, Янь Юхэн уже каталась по полу, рыдая.

Се Цицю, растерявшись, хотела убежать, но тут услышала, как наверху открылась дверь.

— Что случилось? — спросила бабушка Янь, которая всегда любила свою внучку и, услышав плач, первая вышла.

Янь Чжи и Силина тоже вышли из комнаты, где шёл разговор. Бабушка Янь первой увидела, как Янь Юхэн катается по полу, и быстро спустилась по лестнице, обняв её, как драгоценность.

Старушка успокаивала:

— Ахэн, что случилось? Расскажи бабушке.

Бабушка Янь взглянула на Се Цицю, стоящую с тарелкой фруктов, и повела Янь Юхэн к дивану.

— Ахэн, расскажи бабушке, что произошло? — бабушка Янь вытирала слёзы Янь Юхэн и спрашивала:

— Кто-то тебя обидел? Кто посмел обидеть нашу драгоценность? Я ему покажу!

Эти слова звучали как угроза, и Се Цицю, стоя на месте, словно приклеилась, не могла пошевелиться.

Она не осмеливалась оправдываться, ведь сейчас Янь Юхэн уже не была той глупенькой девочкой, которая молча терпела обиды. Се Цицю сказала эти слова в порыве злости и теперь боялась, как бабушка Янь её накажет.

— Сестра Цицю сказала, что бабушка... и папа... больше меня не хотят! — Янь Юхэн обняла бабушку за шею, прячась у неё на груди, слёзы и сопли размазались по одежде.

— Она... ещё сказала... что я уродка, и вы все меня ненавидите!

Янь Юхэн говорила, всхлипывая, слёзы лились рекой.

Она частично правдиво, частично лживо вставила слова Се Цицю, так что та не могла оправдаться.

Се Цицю, бледная, стояла на месте, пытаясь возразить, но не знала, что сказать. Сказать, что она только назвала Янь Юхэн уродкой, но не говорила, что её все ненавидят?

Бабушка Янь, услышав слова внучки, сразу нахмурилась и хотела что-то сказать Се Цицю, как вдруг увидела, как старушка Лу торопливо вышла из кухни.

— Цицю! Что случилось? Что случилось?

Старушка Лу ещё не подошла близко, но уже увидела, как Янь Юхэн сидит на руках у бабушки, а Се Цицю стоит у лестницы с тарелкой, красная и опустив голову.

— Госпожа, Цицю ещё маленькая, не обращайтесь внимания на её слова, — старушка Лу, не разобравшись, сразу начала оправдывать Се Цицю.

Едва она это сказала, как с лестницы раздался смешок.

— Хе-хе, Ахэн в доме Янь может быть обижена маленькой девочкой? — Силина спускалась по

лестнице, её ярко-красное платье выглядело как огонь.

Старушка Лу подняла глаза и застыла.

Янь Юхэн, спрятавшись у бабушки, украдкой наблюдала.

В это время люди ещё не были так развиты в понимании красоты, большинство в Хуаго оставались на уровне естественной и простой эстетики.

А Силина была из страны Ү, её понимание красоты опережало Хуаго на полвека, не говоря уже о таких деревенских женщинах, как бабушка Лу.

Она сразу же была поражена этой яркой красотой и не могла вымолвить ни слова, только открыла рот, но не смогла произнести ни звука.

Она смотрела, как эта белокурая женщина с изящной фигурой грациозно прошла мимо неё.

Красота была не главным, хотя Янь Юхэн не хотела это признавать, но её мать действительно обладала харизмой.

Можно было сказать, что она была высокомерной и самоуверенной, но её лицо одним своим видом лишало людей дара речи.

Силина села на диван напротив Янь Юхэн и бабушки, а Янь Чжию спустился и сел рядом с ней.

— Ахэн, о чём плачешь? — спросила Силина свою дочь.

<http://bllate.org/book/16703/1534285>